Главный экономист ВЭБ.РФ Андрей Клепач в интервью ТАСС – о том, почему протекционизм становится все более «зеленым»

О том, куда нужно инвестировать средства ФНБ, почему российские компании и институты развития заявляют о приверженности ESG-принципам и что ждет российскую экономику на горизонте ближайших лет, рассказал главный экономист ВЭБ.РФ Андрей Клепач.

– Андрей Николаевич, Минфин РФ объявил, что в течение месяца изменит структуру ФНБ и доля доллара сократится до нуля. На следующий день президент РФ заявил, что инфраструктурные проекты должны быть хорошо просчитаны для получения средств ФНБ. Вот на ваш взгляд, насколько радикальные перемены ждут суверенные резервы в ближайшее время?

– Вообще доля доллара в золотовалютных резервах как в части, которая связана с ФНБ, так и в части активов Центрального банка давно сокращается. В этом нет ничего принципиально нового. То, что приняли решение выйти из доллара в части ФНБ, как, кстати, раньше выходили из части других американских активов, на мой взгляд, правильно. Никаких серьезных возмущений на рынке это вызвать не может. Тем более, естественно, не всю сумму будут менять сразу. Здесь я не вижу никаких проблем. Есть другой, более важный круг вопросов, который сейчас обсуждается: какую часть ФНБ можно инвестировать в проекты в российской экономике? Я считаю, что даже в рамках нынешнего бюджетного правила, так как ликвидная часть ФНБ уже превысила 7% ВВП, средства из него могут направляться на крупные инфраструктурные проекты. Порядка

триллиона рублей или даже больше целесообразно было бы инвестировать в такие стратегические проекты, которые стали бы драйверами российской экономики. Это могут быть высокотехнологические проекты, связанные в том числе с переходом к «зеленой» экономике, адаптации к климатическим изменениям, которые требуют долгосрочных инвестиций.

— Вы сейчас упомянули проекты из «зеленой» экономики. Но сейчас к ним относятся как к такой затратной части, а не как к инвестициям. На ваш взгляд, можно ли ожидать возврата этих инвестиций, которые будут вложены в ESG-проекты?

— ESG-проекты — термин несколько шире, чем «зеленые» проекты или адаптация к климатическим условиям. С «зелеными» проектами чаще всего ассоциируют проекты альтернативной энергетики — ветряной, солнечной, например. Они достаточно дорогие. Но экологические проекты в рамках ESG — эта палитра гораздо шире. Это и чистая вода, и проекты, связанные с переработкой отходов. И для ВЭБ.РФ это одно из приоритетных направлений. Вместе с Ростехом мы финансируем заводы по выработке энергии из отходов, пока это пять заводов. Есть проекты, и они активно обсуждаются, по переработке отходов. Надеюсь, что они тоже будут запущены. Палитра проектов достаточно широкая. Один такой проект тянет за собой цепочку таких же «зеленых» проектов. Например, если мы говорим об электромобилях или электробусах, которые производит КамАЗ и которые уже начали ездить по Москве, пока этот дорогой проект по карману именно Москве. Чтобы он стал дешевле и доступнее для других городов, для этого надо фактически создать целую индустрию, в том числе производство литий-ионных батарей. Проекты водоробусов, когда источником энергии является водород, требуют серьезных НИОКР и больших инвестиций. Возвратность инвестиций там есть, но она достаточно долгая — от 10 до 15—20 лет. Это технологический вызов, и за новые технологии надо платить.

— Смотрите, вы сказали, что это целая цепочка. То есть мало того, что нужно создать производство самих электробусов, но потом, наверное, речь пойдет и об утилизации использованных

литий-ионных батарей?

– Безусловно. Пока это тоже одно из уязвимых мест таких проектов, но все решаемо. Уже есть наработки и у Роснано, и у Росатома. И тут важно, чтобы сложились все элементы этого «кубика Рубика», точнее «зеленого кубика», чтобы мы действительно могли говорить о серийном производстве электромобилей и электробусов. Водород – это еще более дорогой и сложный технологический процесс. Тем не менее это та дорога, по которой мы все равно будем идти. Но здесь очень важна цена и экономика проектов. Пока это экономика очень дорогая.

– То есть ESG – это всегда комплексные решения?

– Если говорить об ESG – это, скорее, изменение модели ведения бизнеса. Сейчас, по международным оценкам, практически 60 с лишним процентов крупных компаний, которые котируются на мировом рынке, приняли соответствующие стратегии, программы, планы действий. Уже многие российские компании при общении с зарубежными инвесторами сталкиваются с вопросом: что вы делаете с точки зрения ESG-принципов.

– Все-таки ESG, как вы сказали, – это не только Environment, но и Social. На мой взгляд, Social заключается в повышении квалификации, адаптации людей, которые будут работать в этой новой экономике. Нужна ли трансформация образования, нужны ли для этого дополнительные вливания?

– Я думаю, с этим все согласны, и родители в том числе. И я как родитель тоже считаю, что да, в образование надо вкладывать больше средств. Но образование – это во многом та сфера, куда деньги вкладывает государство. Проекты, которые бы финансировались институтами развития или частным бизнесом, тоже есть, есть и частные школы. Есть частное финансирование университетов, корпоративный университет, как у Сбербанка, обучающие структуры, как у Росатома, Роскосмоса, РЖД. Если говорить о проектах институтов развития, то ВЭБ.РФ сейчас прорабатывает – и это входит в его стратегию – проект

строительства школ. Если у региональных бюджетов не хватает денег на строительство современных школ, то, получив кредит, они могут начать их строить. Возврат денег будет позже, но механизм предполагает способность региональных бюджетов выполнить свои обязательства. Это один из важнейших проектов для ВЭБа.

— Насколько я знаю, ВЭБ планирует строить еще и кампусы для студентов?

— Эти проекты рассматриваются и тоже обсуждаются. Ряд регионов выдвигает такие проекты: и Пермь, и Новосибирск, ряд других на строительство кампусов.

— Мы сейчас говорили про кампусы, новые школы… Но вот этот год показал, что онлайн-образование вполне жизнеспособный институт. Не станут ли кампусы и школьные корпуса архаизмом?

— Я уверен, что нет. Собственно говоря, я сам преподаю…

— Очно?

— Когда был режим карантина, это было онлайн. Но на мой взгляд, и это мнение многих преподавателей, живое общение ничто заменить не может. Более того, читать лекцию и выступать на конференции по видео можно, но, когда это приходится делать, ты теряешь эмоциональный контакт, который есть только при живом общении. Мы должны понимать, что какая-то часть образования будет идти в онлайне и останется там на постоянной основе. Например, для дистанционно-удаленного обучения, учебы в удаленных районах, повышения гибкости и прочее. Но живого общения с преподавателем, с учителем, особенно для ребенка, это никогда не заменит. Да и общение детей, студентов друг с другом тоже ничто не заменит.

— Ну, я вам скажу со своей стороны, интервью брать по видеосвязи и сейчас лично с вами — это две большие разницы.

— Да, люди научились общаться по зуму, можно приспособиться к

любым формам общения.

— Ну вот, опять же продолжая тему пандемии, у меня к вам вопрос как к тому, кто участвовал в создании нескольких стратегий экономического роста России. Вот вы же ни в одной стратегии не предусматривали такого «черного лебедя», как пандемия? Или какие-то такие риски в одном из сценариев все равно рассматривались?

— Сценарий пандемии в стратегиях не рассматривался, но еще в 2012 году, когда обсуждались модели госпрограммы развития здравоохранения, ряд экспертов, и я в том числе, высказывались, что определенные решения по оптимизации здравоохранения, которые планировали существенное сокращение врачей, среднего и младшего медицинского персонала, делают нас уязвимыми к любой эпидемии. К сожалению, эти риски реализовались.

И в этом смысле это серьезный урок, не то, что можно предвидеть пандемию, но надо быть готовым к таким чрезвычайным ситуациям. А это означает, что надо иметь ресурсы и резервы, надо по-другому обучать врачей, чтобы они могли перепрофилироваться, комплексно проводить лечение. Надо иметь резервы коечного фонда.

Запрос на науку, на медицинскую науку, резко возрос в результате пандемии. И я надеюсь, что при соответствующей поддержке правительства и вложениях в развитие медицинской науки это будет гарантией того, что мы будем готовы к любым «черным лебедям». К сожалению, никто от них не застрахован снова в будущем. COVID так или иначе идет на спад, несмотря на определенный рост заболеваемости весной, но надо быть готовым к любым неожиданностям.

И в этом смысле инвестиции в здоровье — это вопрос не только государственных и частных инвестиций, но и самого человека, надо уметь беречь и ценить свое здоровье, своих близких. Надо отдать должное — наши врачи, система медицины спасли много

человеческих жизней. И показатели смертности от вируса у нас ниже, чем в Европе. Это и подвиг, и самоотверженность, и результат согласованной работы. Но это означает, что в модель развития здравоохранения надо вносить серьезные поправки, они обсуждаются сейчас правительством в рамках подготовки новых стратегических инициатив. И выделять на это деньги.

Сейчас, если судить по прошлому году, у нас произошел большой скачок в финансировании, до 4% с лишним ВВП. И важно все-таки не расслабляться, а удерживать достигнутый уровень. Или увеличивать, как это есть во многих европейских странах, до 4–5%. Плюс люди платят сами за медицинские услуги, покупают лекарства. Поэтому общие расходы, если мы берем европейские страны, 8–11% ВВП. Эта сумма включает и госфинансирование, и частные инвестиции, и расходы самого населения.

— На ваш взгляд, если говорить о стратегических прогнозах, о сценариях развития, то как они должны с учетом опыта прошлого года меняться? Я помню, мы в одном из интервью с вами говорили о том, что стратегии должны включать в себя помимо экономического роста и развития еще и другие аспекты. На ваш взгляд, какой должна быть стратегия развития России на следующие 10 лет?

— Тут в двух словах не ответишь. Тем более у нас нет пока официально принятой обновленной стратегии. Но, по сути дела, такие стратегические установки и задачи задают и указы президента, и послания. Здесь важно, что во главу угла поставлен вопрос сбережения народа. И в этом смысле важен социальный пакет мер, который связан с преодолением бедности, что было в последнем послании президента. И вот под это нужен мощный рост экономики, чтобы мы были способны обеспечить этот уровень доходов.

И, может быть, нужен и второй аспект тоже, который активно обсуждается здесь на форуме, — это меры в сфере экологии. Они перечислены, например, в нацпроекте «Экология», который приняли еще в 2018 году.

Нацпроект «Экология» – это и чистая вода, и чистый воздух, и здоровье, и качество жизни. Принимаются меры и бизнесом, и государством, чтобы сократить выбросы. Там уже есть меры, связанные с поддержанием биоразнообразия, по очистке и восстановлению Волги и Байкала, есть направление, связанное с отходами. Поэтому это такой многогранный процесс. Плюс возникают новые вызовы, связанные с требованиями адаптации к климатическим изменениям и особенно эмиссии парниковых газов. Только что принят закон в трех чтениях по ограничению эмиссии, правительство готовит нормативно-правовые документы. Они тоже только недавно представлены к публичным обсуждениям.

Вырабатываются меры субсидирования, поддержки, и ВЭБ.РФ, как я уже говорил, будет участвовать в решении этих задач. Главный вопрос – найти баланс между экологическими задачами и экономикой, поскольку все эти вещи крайне затратные, и нам не надо просто буквально копировать то, что делает Германия, другие страны. У нас свои подходы. Но надо понимать, что мы должны быть готовыми и к регуляционным мерам, включая и налоговые, которые тот же Евросоюз обещает ввести и будет, видимо, поэтапно вводить. Более того, наши компании начали разделять зачастую активы, условно говоря, с низкой эмиссией CO_2. Так, у «Лукойла» уже есть разделение активов генерации чистой и грязной. Но надо считать затраты, понимать сроки, стоимость всех этих мероприятий. И доказывать миру, что мы на самом деле «зеленее», чем, глядя на нас, кажется, особенно из-за бугра.

– Это важно? Важно, как мы выглядим со стороны?

– Дело в том, что многие меры, связанные с «зеленым» регулированием, – это меры, именно направленные на ограничение нашей конкурентоспособности, новые барьеры для нашего экспорта. Это не просто борьба за климат и за счастье всех на земле.

– То есть протекционизм теперь приобретает «зеленую» форму?

— Я думаю, он будет теперь главным образом «зеленым».

— «Зеленый протекционизм» — это новое словосочетание в геополитических отношениях. Андрей Николаевич, раз уж мы заговорили про устойчивый экономический рост, какие прогнозы у вас по росту российской экономики на этот год и на следующий?

— Надо отдать должное, сейчас экономика восстанавливается даже лучше, чем я ожидал, если брать оценку Росстата за первый квартал. Минус 1% — это ниже, чем было по нашим предварительным данным. Но и в целом по году мы ожидали рост экономики где-то 3,2%, а я думаю, что будет около 4%, даже чуть больше. Потому что очень хорошо растет розница и услуги. Рост ретейла по году, наверное, составит 6,5–6,6%. То есть экономика за этот год полностью перекроет спад, который был в прошлом году. Растут и инвестиции. Строительство не останавливалось и в кризис. Видимо, в этом году рост в этой сфере будет тоже больше 4%.

— А инфляция, не ожидаете ее разгона?

— Я в отличие от некоторых экспертов не вижу никаких серьезных оснований для разгона инфляции. Есть скорее все предпосылки для ее замедления. Потому что, если брать инфляционные ожидания, на которые ссылается Центральный банк, они идут вниз. По инфляции, я думаю, что по году будет 4,8%, может быть, чуть меньше. Потому что тут большую роль сыграл продовольственный фактор. Он, конечно, не исчез полностью, но были приняты меры: соглашения по замораживанию цен, дополнительные пошлины. Я не думаю, что все они были оправданные. Правительство не могло не реагировать на серьезный рост цен, учитывая, что ситуация с доходами населения сложная.

— А по этому году вы что ожидаете?

— Я ожидаю, что реальные доходы населения вырастут. Более того, надо отдать должное, что меры, которые правительство принимало в прошлом году, помогли этому.

— Хотелось услышать ваш прогноз на более долгосрочный период. Какие на горизонте пяти лет основные тренды вы видите?

— Я очень надеюсь, что как раз следующие три-пять лет все-таки серьезно изменят сложившиеся тенденции. Поскольку, несмотря на хорошие результаты этого года, последние семь лет наша экономика растет крайне медленно и существенно ниже, чем мировая экономика. И нужны серьезные меры для ускорения экономического роста. Правительство должно выйти со своими стратегическими инициативами, они направлены на то, чтобы придать экономике серьезный импульс. Большая нагрузка в этой связи и серьезные задачи ставятся перед институтами развития. И ВЭБ.РФ представил на форуме свою стратегию, которая крайне амбициозна и предполагает многократное расширение кредитного портфеля. Более того, как Игорь Шувалов говорил, мы идем с опережением по сравнению с теми планами, которые раньше у нас были по стратегии. Поэтому потребуется реализация масштабных инфраструктурных проектов. У нас есть проекты, которые записаны в магистральные планы развития транспортной инфраструктуры, рассматриваются варианты новых стратегических инициатив правительства. Надо, чтобы они не только рассматривались, но и реализовались. И, как я уже сказал, это потребует использования средств ФНБ. Я думаю, что потребуется модификация бюджетного правила, его корректировка, если мы хотим поступательно обеспечить финансирование той же сферы образования, здравоохранения. Несмотря на то что 2021 год назван Годом науки, она находится все-таки на голодном финансовом пайке, и здесь нужны серьезные дополнительные затраты и государства, и бизнеса. Вызовы серьезные, и они потребуют новых подходов в нашей экономической политике, чтобы был тот результат, ради которого так или иначе все работают. Я имею в виду благосостояние людей, здоровье и просто радость жизни, хотя она не только от денег зависит.

Читать оригинал: ТАСС